

коллекция

КАТОРАШ

историй

ПОДАРКИ!
Подробности на стр. 35, 39, 65

Татьяна
Бестаева:
«Я не вводила
Кобзона
у Гурченко!»

Ирина
Селезнева
о разводе
с Максимом
Леонидовым,
новом браке
и жизни
в Англии

Андрей Ханов
о странном
детстве певицы
Пелагеи

Дочь Игоря
Нефедова:
«Мало кто писал,
каким он был
артистом.
Только обвинения
в адрес мамы и
Табакова»

Карина Андоленко:
«Наша жизнь
прописана на небесах»

ISSN 1818-4383

12
9 771818 438774

коллекция **КАРАВАН**
историй

стр. 58

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

10

Карина Андоленко
Титры прописаны
на небесах

32

Андрей Ханов
Немного
о Пелагее

58

Ирина Селезнева
Вторая попытка

стр. 100

стр. 32

стр. 162

стр. 132

172

Татьяна Бестаева:
«Я не уводила Кобзона
у Гурченко!»

ИМЕНА

100

Татьяна Антонюк
Мой Даль

132

Елизавета Кюблер:
«То, что Игорь не мой отец,
в семье долго было тайной»

ФАНТАЗИИ

Проект Екатерины
Рождественской

162

Сказки

стр. 172

Фото: Олег Зотов
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Катя Бобкова
Продюсер: Екатерина Шутылева

КАРИНА АНДОЛЕНКО

ТИТРЫ ПРОПИСАНЫ НА НЕБЕСАХ

Я верю в чудеса и, наверное, буду верить в них до конца своих дней. Иногда мне кажется, что моя жизнь похожа на удивительный сон, и больше всего на свете я боюсь проснуться...

Мама всегда вместе со мной

лась и выросла я в Харькове. Родители развелись, когда была еще маленькой, мама воспитывала меня одна. Есть еще двоюродный брат Руслан — его тоже вырастила моя мама.

По профессии она сурдопереводчик, а по натуре необыкновенно энергичный человек. Любит узнавать что-то новое, ходить на всевозможные курсы и меня постоянно вдохновляет, заставляет развиваться. Наверное, это наша семейная черта — стремление к самосовершенствованию. Мой дедушка говорил: «Нельзя сидеть сложа руки, надо действовать, идти вперед. Если ты останавливаешься, то откатываешься назад».

Мы все трудоголики — и мама, и Руслан, и я. И дедушка был таким. В раннем детстве он стал глухонемым, но

Семья была самая обычная. Родилась и выросла я в Харькове. Родители развелись, когда была еще маленькой, мама воспитывала меня одна

Лет пятнадцать назад я и представить себе не могла, что все так сложится. Хотя в старших классах прочитала собрание сочинений Станиславского и заболела сценой. Желание поступить в московский театральный вуз было настолько сильным, что я даже не задумывалась, что это может быть очень сложно, скорее всего просто невоз-

можно. Но чувствовала, что не смогу иначе, и все. Мне кажется, очень важно сохранять верность своей мечте и действовать. Тогда там, наверху, обязательно услышат и помогут.

Наши мысли материальны. Но то, что я оказалась в Москве и получила возможность заниматься любимым делом, все равно чудо. Я ведь не из актерской династии — семья была самая обычная. Роди-

сам научился читать и писать, так как время стояло военное, взрослым некогда было заниматься развитием ребенка и в школах не было нужных специалистов. В обычную школу его не взяли, но желание учиться было настолько сильным, что дедушка стал воровать учебники у соседки-учительницы и пытался сам во всем разобраться. Когда она обнаружила пропажу и поня-

ла, кто это сделал, то не рассердилась, а наоборот, обратила на пытливого мальчика внимание, стала с ним заниматься. Время было тяжелое, дедушка родился и вырос в селе Ахтырка недалеко от Харькова, но выучился и получил профессию. Всю жизнь проработал на Харьковском бронетанковом заводе и всегда говорил: «Если бы я мог слы-

шать детей, после депортации уцелело двое — моя бабушка и один из братьев. Бабушка тоже с детства была глухонемой. Я слышала, что совсем маленькой ее ударила шаровая молния. Она еще не умела разговаривать, а после травмы уже не заговорила. Позже переболела ангиной в тяжелой форме и потеряла слух. К сожалению, бабушку я не

окончила. Занятия музыкой очень много дали, сделали меня более усидчивой и заставили понять, что в жизни ничего не падает с неба. Для того чтобы хорошо играть на фортепиано, нужно трудиться, каждый день долбить гаммы. Капля камень точит. Только упорными и методичными репетициями можно чего-то добиться. Эти навыки очень

Меня собирались назвать Фатимой, но папа настоял на том, чтобы у девочки с украинской фамилией было более нейтральное имя

шать, стал бы генералом». Никогда не забуду слова, которые он часто мне повторял: «Перед тобой нет никаких преград. Ты слышишь, ты видишь, ты говоришь. Нужно только честно относиться к профессии, которую выбрала, и все получится». Кстати, дедушка был очень артистичным. Он показывал нам с мамой сценки: натягивал длинное одеяло вдоль комнаты, надевал платок и играл сказки, а мы смотрели и хохотали. Я была достаточно стеснительным и закрытым ребенком — для многих стало сюрпризом, что выбрала актерскую профессию.

Во мне течет не только украинская, но и горячая татарская кровь, хотя по внешности этого не скажешь. У родителей бабушки, крымских татар, было огромное имение в Крыму. В 1944 году у них все отняли и выслали их в Сибирь. В семье было тринадцат-

застала, видела только на фото. Она ушла очень рано, до моего рождения. Была статной, красивой, с огромными миндалевидными глазами и смоляными волосами, в которых выделялась седая прядь...

В детстве я мечтала называться как угодно — Машей, Катей, Светой — только не Кариной. Долго не принимала свое имя, хотя оно было очень модным. Вообще меня собирались назвать Фатимой, но папа настоял на том, чтобы у девочки с украинской фамилией было более нейтральное имя, не относящееся к какой-то определенной национальности. Мама остановилась на Карине.

Она всегда в меня верила и ради дочери была готова на все. В шесть лет я попросилась в музыкальную школу — мама отвела. Конечно, вскоре я осознала, какой это труд, и уже не очень хотела заниматься, хотя школу все-таки

помогают в профессии и вообще в жизни. По-моему, любому ребенку не помешало бы поучиться музыке.

Как ни парадоксально, сцена до одиннадцати лет была для меня наказанием, особенно если в зрительном зале сидела мама. В музыкальной школе приходилось выступать на концертах и экзаменах, и я безумно боялась ее разочаровать, что-то забыть, перепутать. Честно учила полгода пьесы, а потом, дрожа от страха, выходила на сцену и понимала, что я — белый лист. Начинала импровизировать, играть непонятно что. Педагоги каждый раз удивлялись: «Мы ставим тебе пятерку, правда, ты совершенно не то играла!» Поэтому когда при мне девочки рассуждали о том, как бы пойти в артистки, думала: «Чтобы я пошла на сцену?! Да еще и сама?! Никогда!» Для меня она была чем-то недостижимым, страшным.

Никогда не любила быть в центре внимания. Существовала в своем мире — книг и иллюзий. И не думала, что свяжу судьбу с театром. Хотя в музыкальной школе — хочешь не хочешь — приходилось выходить на сцену. К экзамену готовилась как к самому страшному дню в своей жизни, но мне всегда был интересен процесс подготовки.

экзамены в музыкальной школе. Но когда во все это погрузилась, меня затянуло!

Что такое актерская профессия? Постоянные вопросы и ответы. С помощью ролей ты что-то понимаешь про себя. Желание преодолеть свои комплексы неожиданно завлекло меня в актерскую профессию и открыло целый мир, который я уже не смогла и не

шло чудо: судьба свела меня с Марией Александровной Коваленко — фантастической женщиной, ученицей мхатовца Михаила Тарханова, воспитавшей множество актеров. Она, можно сказать, заложила «фундамент» моего актерского образования, научила разбирать роли, заставила прочитать колоссальное количество книг. Я подумывала поехать в

Я и представить не могла, что все так сложится. В старших классах прочитала собрание сочинений Станиславского и заболела сценой

Поэтому сейчас так люблю свою профессию. В актерском ремесле процесс важнее всего, как бы эгоистично это ни звучало. Если мы целиком и полностью отдаемся творческому процессу, честно готовимся к своей роли, пытаемся осознать, что за персонаж нам достался, в чем его слабости и сила, результат не заставит себя долго ждать. Видя, как интересно актеру, зритель включается, ему тоже становится интересно.

Экзамен, конечно, не процесс — это итог, результат, а я была скромным ребенком и довольно замкнутым. Но когда одноклассница предложила пойти в театральный кружок, подумала: «Ух ты! Может, действительно пойти? Я так боюсь сцены и зрителей — вдруг смогу это преодолеть?» Для меня такой кружок был сродни психотренингу. Хотела излечиться от своих страхов, чтобы спокойно сдавать

захотела покинуть. Страсть к театру привил нам замечательный педагог, которого мы звали Валентинычем. Он научил любить репетиционный процесс — с чаепитиями и разговорами о настоящем, попытками разобраться в каких-то важных вопросах. Благодаря Валентинычу я познакомилась с таким автором, как Роджер Желязны, его произведения стали для меня открытием.

С педагогами мне всегда везло и везет. Сначала хотела поступать в Харькове, но пойдя на подготовительные курсы, увидела, в каком состоянии находится институт, и поняла, что это не то, о чем я мечтала. К тому же актерское отделение было платным. Стало ясно — надо искать что-то другое. Что именно, не знала, но, видимо, благодаря моему колоссальному желанию стать актрисой и мольбам, посланным в космос, произо-

шло чудо: судьба свела меня с Марией Александровной Коваленко — фантастической женщиной, ученицей мхатовца Михаила Тарханова, воспитавшей множество актеров. Она, можно сказать, заложила «фундамент» моего актерского образования, научила разбирать роли, заставила прочитать колоссальное количество книг. Я подумывала поехать в

Киев, но Мария Александровна убедила нас с мамой, что следует поступать в Москве. Мама к моему увлечению относилась как к хобби. Она хотела, чтобы я получила более «земную», стабильную специальность — стала врачом, и считала, что у меня получится сочетать медицину с театром: «Ну, будешь и дальше заниматься в театральной студии в свободное время. Не надо делать это профессией». К тому же я была очень домашним ребенком — не ходила по клубам, каким-то тусовкам, моя жизнь состояла из школы, дома и театрального кружка. Маме было сложно отпустить шестнадцатилетнюю дочь в чужой город. А потом, когда я приняла решение ехать в Москву, — и в чужую страну. Всю жизнь буду благодарна маме за то, что она поняла, как это важно для меня, и дала возможность самой сделать выбор и осуществить мечту.

Константин Аркадьевич Райкин стал моим театральным «папой»

Мне очень хотелось в Школу-студию МХАТ на курс Константина Аркадьевича Райкина. Но в тот год был огромный конкурс. Поступала я сразу в несколько вузов. Меня брали практически везде, в «Щепке» уже предложили принести документы, в Школе-студии шансов было меньше всего. Педагоги, в частности Елена Ивановна Бутенко-Райкина, пожалели меня и стали уговаривать: «Мы можем вас прослушать, но без гарантий. Да — да, нет — нет, уж не взыщите».

Они очень честно поступили, но я была настроена решительно и сдала докумен-

Мне поручали разные роли, и если бы сейчас спросили, где хочешь учиться, я бы ответила — только у Константина Аркадьевича Райкина!

Зато сейчас, глядя на то, как много я работаю, толком не отдыхаю, недосыпаю, нахожусь в постоянных разъездах, мама иногда говорит: «Все-таки надо было тебе стать врачом! Жила бы как все нормальные люди!» А потом слушает мои рассказы о новой роли, видит горящие глаза и понимает, что я счастлива. Без ее поддержки, наверное, не смогла бы дойти до конца.

Когда мы с мамой приехали в Москву, я увидела толпу абитуриентов в Камергерском пе-

реулке у здания Школы-студии МХАТ и у меня стали отниматься ноги. Целеустремленность куда-то исчезла, победил страх. Уже готова была развернуться и бежать, но мама остановила: «Нет уж, милая моя. Если ты зашла так далеко и меня завела, то пойдешь и поступишь!» Она очень сильный человек, в детстве всегда говорила: «Нельзя опускать руки, плакать, если что-то не получается. Слезами горю не поможешь, надо подниматься и делать дело, а потом уже себя жалеть».

ты в Школу-студию. Мария Александровна, кстати, учила: «Если что-то пойдет не так, ложись и говори — «Не встану, пока не возьмете, умру прямо здесь!» Но это было раньше, а когда выйдя на улицу, увидела маму и Марию Александровну и все рассказала, они были в шоке: «Сразу видно, что ты натуральная блондинка! Надо было идти туда, куда уже берут, а не надеяться на что-то неопределенное. Лучшее синица в руках, чем журавль в небе!» Но я погналась

за «журавлем», потому что была убеждена: надо добиваться исполнения своей мечты, стучаться даже в запертые двери — и тебе откроют.

Для меня было счастьем выйти на конкурс, хотя от страха тряслись руки и ноги. Читала письмо Татьяны из

«Евгения Онегина», монолог Катюши Масловой из «Воскресения» Толстого и «Зодчих» Дмитрия Кедрина. Когда Константин Аркадьевич сказал, что я поступила, и, улынувшись, добавил: «Ты все-таки к нам сдала документы», — поняла, что это аванс. Мне

дали шанс за характер. Среди абитуриентов были девочки и талантливее меня, но мое желание, видимо, оказалось сильнее...

В Школе-студии я обрела театральных родителей — Елену Ивановну и Константина Аркадьевича. Они привили

Я совершенно не понимала, как играть матушку Круглову в мои двадцать, читать длинные монологи, написанные сто с лишним лет назад

нам такую любовь и такую преданность профессии, в которой сами живут! Это были счастливые четыре года и сложные. Мы многое пережили вместе. За время учебы у нас погибли два однокурсника. Сначала Ефим Рощупкин, безумно талантливый и добрейший парень, — в авиакатастрофе в Иркутске. Полетел домой на каникулы. Потом ушел Артем Применко. У нас был очень дружный курс, сродни семье, мы по сей день общаемся, отслеживаем работы каждого и болеем друг за друга.

Константин Аркадьевич еще в Школе-студии взял меня в свой театр и поручил одну из главных ролей в спектакле «Не все коту масленица», поставленном Аллой Борисовной Покровской. Вместе с ним выходила на Малую сцену «Са-

В спектакле «Не все коту масленица» театра «Сатирикон» — с актрисой Евгенией Абрамовой

тирикона», но совершенно не понимала, как играть матушку Крутлову в мои двадцать, читать длинные монологи, написанные сто с лишним лет назад. Вспоминала Марию Александровну, которая говорила: «К сожалению, тебе дают Джульетту в шестнадцать, а понимаешь, как ее сыграть, только в шестьдесят». Здесь происходило то же самое, и все равно бы-

кинматографе ничего не знала и испугалась, что попала в бордель! А всего-то попросили паспорт, когда прибежала на пробы. «Зачем им мой паспорт?» — насторожилась я, вспомнив страшные истории о продаже девушек в сексуальное рабство. Тут из соседнего павильона вышли парень и девушка в нижнем белье в стиле двадцатых годов. Я схватила

торыми работает, верит в них. Сразу же принес мне колоссальное количество картин, которые необходимо посмотреть. Я ведь совершенно не знала, кто такие Ларс фон Триер, Вонг Кар-Вай, Дэвид Линч. Приходя на смену, отчитывалась. Помню, посмотрев «Малхолланд Драйв» Линча, честно призналась: «Егор, я ничего не поняла!»

Любовь и счастье любят тишину. Мне кажется, что это чувство сродни мечте, его надо беречь от чужих глаз, стараться держать в секрете...

ло очень интересно. Мне поручали разные роли, пытались развивать и как героиню, и как характерную актрису, и если бы сейчас спросили, где хочешь учиться, я бы ответила — только у Константина Аркадьевича Райкина!

Наша жизнь прописана на небесах. Я в это верю. Нас ведут, нам помогают, и я бы ничего не хотела изменить. Но к сожалению, однажды пришлось уйти из «Сатирикона», так сложилось. В моей жизни появилось кино, и в тот момент не было возможности выбирать. В кино тоже было очень интересно, а чтобы понять, что тебе ближе, нужно пробовать разные вещи. Я должна была покинуть «зону комфорта», чтобы узнать что-то новое в себе, но «Сатирикон» остается моим родным домом: всегда буду помнить, откуда я, кто меня создал.

Первая моя встреча с кино случилась в Школе-студии: о

за руку сопровождавшего меня однокурсника: «Точно бордель!» И мы убежали. Я была очень горда от сознания того, что избежала опасности. Только через несколько лет поняла, что скорее всего погорячилась.

Когда на четвертом курсе позвонили от Егора Кончаловского и предложили прийти на пробы в картину «Розы для Эльзы», по наивности и незнанию решила: раз вызвали, значит, все уже решено. Волновалась лишь, отпустит ли мастер. Так и заявила Егору: «Я смогу пройти пробы, только если меня отпустят у Константина Аркадьевича!»

Кончаловский позвонил через два часа и сказал, что я утверждена. С этой картины началась моя любовь к кино. Заболев им, излечиться уже невозможно. Егор в каком-то смысле стал моим мастером в кинематографе, как Константин Аркадьевич в театре. Он безумно любит артистов, с ко-

Поначалу было сложно. Мне все мешало — руки, ноги, голос. Не знала, что такое точка под камеру, постоянно пробегала мимо. Съёмочный процесс и так достаточно сложен, а мы еще снимали телевизионную версию и времени было в обрез, заниматься обучением некогда, но Кончаловский все терпеливо объяснял. Я только потом смогла оценить это в полной мере. Когда в сотый раз пробегала мимо точки, Егор очень спокойно говорил: «Нет, Карина, так не пойдет, хорошо бы, чтобы тебя все-таки увидела камера». Совсем не ругал: «Молодец, давай еще один дублик!»

Один раз не выдержала, крикнула Кончаловскому:

— Нет, я так не могу! Это плохо! Очень плохо! — настолько расстроилась, что слезы брызнули из глаз. А он отвел:

— Ну, смотри. Если ты это поняла, значит, мы на верном

пути. Следующий дубль обязательно получится.

Такая вера в артиста, конечно, окрыляет. Егору Кончаловскому я буду благодарна всю жизнь.

Дальше было множество других ролей, не менее интересных и дорогих. После фильма «Розы для Эльзы» случился перерыв. Я выпускала дипломные спектакли в Школе-студии и почти год была полностью занята. Уже под самый конец учебы ме-

ня утвердили в картину Алены Семеновой «Рябиновый вальс» — на роль мамы семилетнего мальчика в военной драме. Мы работали на таком энтузиазме! Снимали под Ростовом Великим в заброшенной деревне, где жил один-единственный дедушка. Выпускной я отмечала не в Школе-студии, а на съемочной площадке.

Надо сказать, что мне далеко не всегда достаются роли ровесниц. В сериале «Непри-

думанная жизнь» вообще сыграла женщину шестидесяти шести лет, а самой было двадцать семь. Возможно, мне нужен такой материал: работая над возрастными ролями, я могу что-то понять про себя. Научиться жить здесь и сейчас, ценить свое нынешнее состояние, свой возраст.

Примеры не особенно меняли мою внешность, только клеили на волосы седые накладки и прорисовывали морщинки на лице, но, види-

Работая над возрастными ролями, я могу что-то понять про себя. Научиться жить здесь и сейчас, ценить свое нынешнее состояние

В сериале «Непридуманная жизнь» моя героиня сначала юная девушка, а потом — женщина шестидесяти шести лет

мо, я преображалась внутренне, как только входила в образ. Однажды в перерыве, забыв про грим, выбежала перекусить в кафе и была потрясена: со мной разговаривали как с реальной бабушкой. Мелькнула мысль: «Вот так мы и меняемся незаметно для себя. Время летит! Вроде бы

только вчера приехала в Москву поступать в институт, а ведь прошло уже десять лет. Не успеешь оглянуться, пролетят еще десять, двадцать, а там и вся жизнь...» Для меня жизнь — бесценный подарок. Уверена: мы сами делаем ее счастливой или нет. Надо ценить каждую минуту.

У меня все происходит волнами. Сначала был период военных картин, потом началась «эпоха оттепели». В фильме «Таинственная страсть» по роману Василия Аксенова, посвященному знаменитым шестидесятиникам, я играла Татьяну — вторую жену поэта Яна Тушинского. Прототипом

Был такой фильм, где мою героиню убивали. Я об этом умолчала, и мама потом ругалась: «Почему не предупредила?! Я бы не смотрела!»

моей героини была Галина Сокол-Луконина. Когда она умерла, Евгений Александрович посвятил ей замечательные строки и назвал уникальной женщиной России — частью измученной совести страны. Галина была необыкновенно честной, доброй и отзывчивой, многое простила своему мужу, и я постаралась придать Татьяне ее черты. Моя роль с минимумом текста, но для меня это был совершенно новый и бесценный опыт — даже массовые сцены, в которых поэты читали стихи, а мы просто слушали. Познакомиться с прототипом своего экранного мужа — Евгением Александровичем Евтушенко — я не рискнула. Филипп Янковский (Ян Тушинский) с ним общался, но уже позже, а моими консультантами были режиссер и партнеры.

Мама с нашей собакой — биглем Монеи

Шестидесятые годы я, можно сказать, изучила со всех сторон, в подробностях. Интересное было время, что и говорить, хотя мне кажется — любое время интересно. В разные эпохи людей волнует одно и то же. Они любят, ненавидят, испытывают страх, мечтают... Меняется только атрибутика, мода. Но каждая новая роль — это неизведанный мир, новые вопросы и ответы.

Мне везет на мастеров — людей, которые способны многому научить, дать возможность развиваться в профессии. Так случилось, что несколько лет назад попала в Московский Губернский театр к Сергею Витальевичу Безрукову. МГТ стал для меня семьей, я его очень ценю. Первой ролью была Лидия Чебоксарова в спектакле «Нашла коса на камень». Второй — Роксана в «Сирано де

Бержераке» Ростана, где Сергей Витальевич играет Сирано. В МГТ у меня фантастические партнеры. Открыла в себе много новых интересных граней и с каждым годом все больше убеждаюсь, что артист должен работать в театре. Ничто не может сравниться с тем удовольствием, с которым я каждый раз бегу на репетицию, и с тем трепетом, который испытываю, выходя на сцену, каким бы по счету

Познакомиться с прототипом своего экранного мужа — Евгением Евтушенко — я не рискнула. Филипп Янковский с ним общался, но позже

Кадр из сериала «Таинственная страсть». Я с Филиппом Янковским — Яном Тушинским

ни был спектакль. Театр — это магия, волшебство. А возможность играть классику — истинное счастье. Только на таких произведениях можно научить и научиться любви и верности — качествам, которых очень недостает в современном мире.

Что касается личной жизни, то я не люблю о ней говорить. Это пространство, кото-

выбирать. Стараюсь не брать много картин, потому что количество не всегда переходит в качество. Чтобы целиком отдаваться какому-то проекту, работать честно, нельзя параллельно вести еще пять или семь. И чтобы была возможность поделиться энергией со зрителями, ее сначала нужно накопить. Поэтому устраиваю себе перерывы, посвящая их

кошка Альфа персидской породы. Их нельзя надолго оставить и достаточно сложно взять с собой, особенно если летишь на самолете. Но когда есть возможность, мама обязательно поддерживает меня, помогает отвлечься, перестроиться.

Я стараюсь не расстраиваться, когда что-то не случается. Директор моего актер-

Вселенная помогает нам, нужно прислушиваться к ее сигналам и правильно распределять свои силы. Самое важное мерило — в нашей душе

рое должно оставаться только моим. Никого не хочу туда пускать. По мне — любовь и счастье любят тишину. В детстве взрослые учили: «Никому не говори о своих мечтах и желаниях, иначе не сбудутся». Мне кажется, что это чувство сродни мечте, его надо беречь от чужих глаз, стараться держать в секрете.

Подруга как-то сказала: «Есть люди, которые работают, чтобы жить. Ты живешь, чтобы работать!» Я действительно люблю свое дело и не могу без него. В моем актерском агентстве знают: если у Андоленко закончился проект, нужно искать новый. Звонят обычно на четвертый день:

— Ну как? Ты выспалась? Отдохнула?

— Отдохнула.

— Тогда начинаем по новой.

Без дела я страдаю и мучаюсь. Хотя с некоторых пор стала по-другому относиться к объему работы, научилась

близким и друзьям, «подпитываюсь» спектаклями, кино, книгами, отдыхаю. В нашем деле обязательно нужны паузы, чтобы восстановить силы и соскучиться по работе.

Мама — один из моих самых верных и честных зрителей. Ее мнение как лакмусовая бумажка. Маму не обманешь, всегда к ней прислушиваюсь. Если что-то не так, она обязательно скажет, что не понравилось. Непременно спросит, каким будет финал у картины, хороший или нет. Был такой фильм «Переводчик», где мою героиню убивали. Я об этом умолчала, и мама потом ругалась: «Почему не предупредила?! Я бы не смотрела!» Хотя все равно смотрела бы и расстраивалась.

Иногда мама приезжает на съемки — если я снимаюсь относительно недалеко и можно добраться поездом. Дело в том, что у нас живут домашние питомцы — бигль Моня и

ского агентства Елена Брагина однажды произнесла замечательные слова, которые я запомнила на всю жизнь: «Титры прописаны на небесах». И если от меня «уходит» роль, думаю: «Значит, кому-то она нужнее, а тебе уготована другая». Вселенная помогает нам, нужно только прислушиваться к ее сигналам и правильно распределять свои силы. Самое важное мерило — в нашей душе. Когда ты честен и не даешь людям надломить в тебе что-то настоящее — придет все, что должно прийти. Я доверяю Вселенной и уверена: если в жизни возникает конфликтная или стрессовая ситуация, это следствие внутренней дисгармонии. Неудачи, нестыковки происходят неспроста, они нужны, чтобы заставить нас задуматься и подтолкнуть к самосовершенствованию...

Редакция благодарит за помощь в организации съемки мебельный салон Home Concept.

АНДРЕЙ ХАНОВ

НЕМНОГО О ПЕЛАГЕЕ

«Имена вымышлены, совпадения случайны» — давайте я так начну эту свою историю. Не исключено, что в восприятии ее героев, точнее — героинь, события минувших лет выглядят совсем иначе...